

Мариса Бель

**Баба Галя, или Волшебное
зелье попаданки**

«Литнет»

2026

Бель М.

Баба Галя, или Волшебное зелье попаданки / М. Бель —
«Литнет», 2026

— Ты не уйдёшь, пока не вернёшь всё, что мы тебе дали! Серьги! Платья! Ты нас обворовывала два года! — Какие серьги? — искренне удивилась Галина. — Те, что ваш сын подарил и через месяц забрал, сказав, что это артефакты рода и мне их носить не положено, пусть лежат у матушки? — Дерзость! Ты смеешь... Вышвырните её, — процедила она. — Как есть, в чём стоит. Нищая и останется нищей. Никто тебя не примет, поняла? Никто! Будешь под заборами ночевать! Попала в тело бедной девушки, которую муж променял на состоятельную вдовушку. И всё бы ничего, так даже лучше. Уж к своим-то годам с тридцатисемилетним стажем Галина на мужчин и не рассчитывала. Стала жить потихоньку, к миру притираться, да только один дракон покоя не дает. И тут бы оправить его в далекие дали, да только он не последний человек в городе, да еще и старший брат бывшего мужа девушки. Придется этим драконам кое-что уяснить, а одной семейке, которая посмела обижать слабую, показать чего стоят настоящие русские женщины!

© Бель М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1

Говорят, смерть это темнота. Тишина. Покой.

Чушь какая.

Смерть оказалась ярким, бьющим в глаза солнечным светом, настойчивым стуком в дверь и дикой, просто дикой болью в пояснице.

— Госпожа Галлия! Госпожа Малик просит подавать завтрак!

Галина Степановна замерла, не открывая глаз.

Госпожа? И почему кто-то ломится в её квартиру в шесть утра, когда она только-только вышла на заслуженный отдых? Тридцать семь лет трудового стажа, между прочим. Тридцать семь лет она вкалывала в бухгалтерии, считала эти бесконечные цифры, чтобы сейчас какой-то...

Она резко открыла глаза.

Потолок не её спальни. Не натяжной с аккуратной люстрой из «Икеи». Потолок был деревянным, с тёмными балками.

Галина Степановна медленно села.

И увидела свои руки.

Вернее, свои «не свои» руки.

Молодые. Тонкие. Бледные, с особой фарфоровой белизной, которую она в свои двадцать пять безуспешно пыталась поддерживать сметаной. Пальцы длинные, без единой возрастной пигментации, без вздутых вен. Ногти аккуратные, чуть розоватые.

Она поднесла ладонь к лицу.

— Мамочки, — выдохнула Галина Степановна голосом, который был звонче, выше, моложе на добрых шестьдесят лет.

— Госпожа! — голос за дверью стал настойчивее. — Малик изволили вернуться под утро и будут недовольны, если подача завтрака задержится!

Малик. Это еще кто там изволил вернуться и откуда?

И в голову нахлынули обрывки воспоминаний. Словно кто-то включил телевизор с помехами, и картинка скачет, накладывается одна на другую.

Малик это муж. Красивый, статный, маг к тому же. Свадьба два года назад, такая пышная, что у Галлии голова кружилась от счастья.

Она – Галлия.

Молодая жена мага из древнего рода. Сирота, дочь почившего бедного зельевара, которую взяли замуж из милости, потому что Малик якобы влюбился без памяти. А она верила. Готовила завтраки, ждала из поездок, терпела холодность свекрови, насмешки тёток и кузин.

Бесплодная.

Бесполезная.

Чужачка.

Галина Степановна сидела на чужой кровати в чужом теле.

— Да чтоб тебя, — пробормотала она привычно, и это помогло.

Вдох, выдох.

— Иду, — сказала она громко, и встала.

У двери было зеркало. Перед тем как открыть дверь, она осмотрела отражение с пят до головы.

Девушке можно было дать лет двадцати, не больше. Светлые волосы, заплетённые в небрежную косу, выбившиеся прядки. Лицо бледное, под глазами тени, не спала, видать, ночь. Черты мягкие, даже слишком. Такое лицо хочется обижать, потому что на нём сразу всё написано.

— Галлия, значит, — сказала Галина Степановна своему отражению. — Ну, здравствуй, тёзка.

В серо-голубых глазах мелькнуло что-то, то ли страх, то ли облегчение.

— Я не знаю, как это вышло, — тихо сказала Галина Степановна. — И не знаю, где ты теперь. Но если это правда, если ты... ушла... то я тут, понимаешь? Я за тебя. Не бойся.

В глазах зацепало. Молодой организм, что с него взять.

— Я за нас обеих, — добавила она и вытерла непрошеную слезу тыльной стороной ладони.

Завтрак подавали в малую столовую. Галина Степановна натянула на себя то ли платье, то ли халат, в памяти Галлии это называлось «домашним выходным костюмом» и пошла на голос прислуги.

Столовая была большой, несмотря на название. Красивой, как в музее: тяжёлые портьеры, тёмное дерево, посуда с вензелями. И за этим огромным столом, заваленным яствами, сидел всего один человек.

Малик.

Галина Степановна сразу его узнала. Память Галлии выдала целый вихрь: вот он на свадьбе, улыбается, сжимает её руку; вот он дарит серьги с сапфирами; вот он говорит «милая» таким голосом, от которого у девушки подкашивались колени.

А вот он вчера. Холодный. Чужой. Смотрит сквозь нее.

— Садись, — бросил Малик, не поднимая глаз от бумаг.

Галина Степановна села.

Она вдруг поняла, что сейчас всё решится. Что-то важное. Она смотрела на этого красивого мужчину с чёрными волосами, тонкими губами в дорогом камзоле, и видела его насквозь.

Она таких видела. И в своей жизни, и у подруг. Приходит такой, смотрит, говорит: «Мы должны поговорить». И уже всё ясно, ещё до того, как рот откроет.

— Галлия, — начал Малик.

— Малик, — кивнула она. Спокойно. Почти равнодушно.

Он на мгновение запнулся, словно ждал другого. Может, ждал, что она подбежит, начнёт суесться, спрашивать, куда пропал, хорошо ли доехал. Но Галина Степановна просто сидела и смотрела. Ждала.

— Наш брак был ошибкой, — выпалил он. — Ты не вписалась в род, у нас нет детей, и я...

Он запнулся, но быстро взял себя в руки.

— Я встретил женщину. Достойную. Она вдова, но обладает большим состоянием и связями. Этот брак усилит мой род, даст мне возможность...

— Когда будем подавать на развод? — перебила Галина Степановна.

Малик замер.

— Что?

— Когда, — терпеливо повторила она, — подавать бумаги? Куда идти? Я не знаю этих порядков, объясни.

Он смотрел на неё так удивленно. Но Галина Степановна и этот взгляд знала как свои пять пальцев. Чему удивляться, если уже всё решил. Хотел ее слез и зрелищ? Да некогда ей, позавтракать да разбираться со своей новой жизнью надо.

— Ты... — начал он.

— Я не буду устраивать сцен, если ты этого боишься, — ровно сказала Галина Степановна. — Брак был ошибкой? Значит, разведёмся. Делов-то.

Она взяла с тарелки булочку. Вкусно пахло сдобой. Она не завтракала уже... когда она завтракала в последний раз? В той жизни, где остались внуки и дача и недописанное завещание?

Малик молчал. Смотрел. Галина Степановна откусила кусочек.

— Имей совесть, — сказала она с набитым ртом. — Не мучай меня. Сказал «развод» так разводишься. Чего тянуть?

Она сама не заметила, как сказала это голосом Галины Степановны, завхоза с тридцатисемилетним стажем, привыкшей решать вопросы быстро и без истерик.

Малик побледнел.

— Ты... странная сегодня, — выдавил он.

— Я устала, — ответила Галина. — Объясните вашей матушке, что я съезжаю сегодня же. Мне нужно собрать вещи.

Она встала, взяв еще одну булочку со стола.

— Галлия! — окликнул он. В голосе мелькнуло что-то похожее на растерянность. — Я... выделю тебе содержание. Достойное. Ты не пропадёшь.

Галина Степановна обернулась в дверях.

— Не надо, — сказала она тихо. — Оставь себе. Пригодится на новую свадьбу.

И вышла, аккуратно прикрыв за собой тяжёлую створку.

Собрать вещи Галлии оказалось легко. Потому что вещей было... почти ничего.

Пара платьев, поношенных, несколько раз перешитых. Туфли она их берегла для выходов, но всё равно выходила в них всего несколько раз. Шкатулка с дешёвыми украшениями, подарками ещё её матери. И старая, издававшая виды книга по зельеварению с пометками на полях.

— Это всё? — прошептала Галина Степановна, перебирая тонкие тряпки.

Всё. За два года брака ей не купили ни нового платья, ни хорошего тёплого плаща. Кормили за общим столом, но не баловали. Денег на руки не давали.

«Зачем тебе, милая? Ты же дома сидишь».

Вот во всех мирах одно и то же.

Галина Степановна аккуратно сложила жалкий узелок.

В дверь постучали. Хотя постучали слабо сказано, потому что через секунду уже вломилась.

— Ах ты неблагодарная тварь! — Мать Малика, Дайнара вбежала в комнату. За её спиной маячили тётки, кузины, ещё какие-то женщины. — Малик мне всё рассказал! Ты посмела с ним так разговаривать? Ты, нищая бесприданница, которой оказали честь, пригтели в доме?!

Галина Степановна медленно выпрямилась.

Она стояла с узелком в руках и смотрела на эту разъярённую толпу.

И вдруг улыбнулась. Вспомнила как в девяносто первом стояла в очереди за крупой. Как выбивала премию для отдела у начальника-самодура. А потом хоронила мужа, растила детей одна, как улаживала конфликты с соседями, с учителями, с врачами, с чиновниками.

Её, Галину Степановну, пытаются запугать тощая тётка в парчовом платье и её свита?

— Милочка, вы бы отошли с дороги. Я ухожу. Сама. Чего вам ещё?

Дайнара опешила, но всего лишь на секунду.

— Ты не уйдёшь, пока не вернёшь всё, что мы тебе дали! Серьги! Платья! Ты нас обворовывала два года!

— Какие серьги? — искренне удивилась Галина. — Те, что ваш сын подарил и через месяц забрал, сказав, что это артефакты рода и мне их носить не положено, пусть лежат у матушки?

Дайнара побагровела.

— Дерзость! Ты смеешь...

— Вон из комнаты, — тихо сказала Галина.

И женщины расступились.

Сама не зная почему. Просто голос был такой... не терпящий возражений. Тон, которым говорят, когда устали. И не собираются больше терпеть.

Но отступать просто так Дайнара не умела. Она выскочила следом во двор, а за нею и свита.

— Вышвырните её, — процедила она. — Как есть, в чём стоит. Нищая и останется нищей. Никто тебя не примет, поняла? Никто! Будешь под заборами ночевать!

И тогда началось.

Галина Степановна не успела сгруппироваться. Её схватили, поволокли. Кто-то вырвал узелок, тряпки рассыпались по земле, книга глухо стукнулась об пол. Кто-то рванул ворот платья, пуговицы покатались по паркету.

— Чтобы знала своё место! — шипели над ухом. — Чтобы неповадно было!

Удар. Ещё удар. Галина Степановна прикрыла голову руками, чисто инстинктивно, так учили в той, прошлой жизни, где выживали, а не жили.

«Галлия, прости», — подумала она. — «Я не уберегла тебя. Я не успела. Прости».

— Что здесь происходит?

Голос прозвучал как раскат грома.

Женщины замерли. Руки, тянувшие волосы Галлии, разжались. Кто-то всхлипнул, кто-то отступил на шаг.

Галина Степановна подняла голову.

Перед ней стоял мужчина.

Высокий. Плечистый. Глаза были светлые, серые, и в них полыхала такая ярость, что даже у Галины Степановны, у которой, казалось бы, иммунитет на всех мужиков всех миров, вдруг поджались пальчики на ногах.

— Я спрашиваю, — повторил он, — что здесь происходит, матушка?

Дайнара побледнела. Сильнее, чем минуту назад.

— Рейнар... сынок... ты вернулся... мы не ждали...

— Я вижу, что не ждали, — оборвал он. — Я вижу, что в моём доме, пока меня нет, женщины превратились в стаю шакалов.

Он шагнул вперёд, и они отступили. Все.

Рейнар.

Память Галлии подсказала: старший брат Малика. Военачальник. Тот, кого боятся и кого почти не видно в родовом гнезде, отсутствовал вечно на границе или в боях. Чужой среди этих сытых, гладких, жестоких в своей мелкой злобе людей.

Он подошёл к Галине. Опустился на корточки.

Она сидела на траве, прижимая к груди старую книгу, успела подхватить, пока её тащили, прижала к себе, как щит. Платье разорвано, волосы растрепаны, на скуле вспухает синяк.

Рейнар смотрел на неё. Потом спросил:

— Почему ты в таком виде, Галлия?

Она смотрела в его глаза.

— Спросите у своей семьи, господин Рейнар. Я больше не хочу ни слышать, ни знать их.

Она поднялась. Тело ломило, но она не показывала боли.

— Галлия... — начал он.

— Прощайте, — сказала она, собрала свои вещи и так и вышла вон, прижимая их к груди. На улице было холодно.

Галина Степановна, нет, сейчас она просто Галлия, другой нет и не будет, брела по мостовой, не разбирая дороги. Босая. В разорванном платье. С книгой под мышкой, с узелком в кулачках.

Её отовсюду гнали как нищенку. Да что там скрывать, вид был что ни на есть самый настоящий нищенский.

— Пошла прочь, нищенка!

— Нечего здесь делать!

— Стража! Стража!

Она уворачивалась, шла, спотыкалась.

Галлия дошла до окраины. Там, за последними домами, рос старый дуб. Девушка опустилась под ним прямо на траву. Прислонилась спиной к шершавому стволу, прижала к груди книгу.

— Ну вот, — сказала она вслух. — И что теперь, Галина Степановна?

— Девушка, а девушка.

Галлия вздрогнула, открыла глаза.

Перед ней стояла старушка. Маленькая, сухонькая, с острым носом и цепкими живыми глазами. В руках сжимала плетеную корзину с травами.

— Ты, никак, замёрзла? — спросила старушка. — И побитая вся... Ох, дела.

Галлия молчала. У неё не было сил говорить. А синяки от ее бывших родственников, да, теперь проявились во всей красе красными и багровыми пятнами на коже.

— Слышала я, — старушка прищурилась, — будто одна девушка ищет работу с проживанием. Да вот забыла, как звать...

Она помолчала, склонив голову, словно прислушиваясь к чему-то.

— А может, и не забыла, — добавила она. — Может, это ты и есть, милая?

Галлия смотрела на неё.

Старушка смотрела на Галлию.

И вдруг Галина Степановна, та, что внутри, старая, мудрая, прошедшая огонь и воду, улыбнулась. Несмотря на этот безумный, страшный и невозможный день.

— Я умею варить зелья, — сказала она, выхватывая их памяти воспоминания. — Хорошо умею. Только... меня этому никто не учил.

Старушка кивнула, словно именно этого ответа и ждала.

— Ну, так научим, — просто сказала она. — Вставай-ка, дочка.

И протянула Галлии маленькую сухую ладонь. Галлия взялась за неё и поднялась.

Глава 2

Лавка оказалась совсем рядом с дубом на той же окраине города.

— Я всегда говорила: хорошее дерево половина успеха, — щебетала старушка, шустро семена по тропинке. — Дуб силу даёт, мудрость копит. Под ним и травы лучше растут, и зелья быстрее настаиваются. Ты как, милая, идти-то можешь? Может, привал сделать?

— Могу, — хрипло ответила Галлия.

Босые ноги уже не чувствовали ничего. Синяки на теле ныли ровной тупой болью.

В голове мысли в кашу, Галина старалась не думать о тех ненормальных бывших родственниках. Она думала о том, как ей теперь жить в этом мире.
Побои пройдут. Жизнь продолжается. Вырвалась из такой семейки и даже лучше!

А теперь она идёт за странной старушкой в лавку с зельями. У неё есть книга, есть руки, и у неё есть мозги, которые тридцать семь лет раскладывали дебет с кредитом так, что ни одна копейка не терялась.

— Ты не молчи, — сказала старушка, не оборачиваясь. — Молчание для мёртвых. А ты живая, как я вижу.

— Я... — Галлия запнулась. — Я не знаю, что говорить. Спасибо. Спасибо вам большое.

— Ну вот, — довольно кивнула старушка. — А говоришь. И не за что пока. Работать будешь, вот тогда и спасибо. Меня Сора звать. А тебя как, я так и не спросила?

— Галлия.

— Галлия, — повторила старушка, смакуя имя. — Хорошее имя. Травяное. Галлия значит «спокойная», «тихая». Только ты, милая, не очень-то тихая, как я погляжу. В глазах у тебя огонь.

Галина хмыкнула. Это Галлия-то не тихая? Она всю жизнь тихая была. Правильная. Удобная. Пока не умерла и не попала в тело двадцатилетней девчонки. А как она умерла, кстати? Молодая и здоровая девица, каким-то образом ее душа покинула это тело. Почему?

— Я разная, — осторожно сказала она.

— И это хорошо, — кивнула Сора. — Пришли.

Маленький каменный домик с покатой крышей, заросшей мхом. Вокруг небольшой огород, засаженный чем-то зеленым и очень пахучим. Над крышей вился дымок.

— Заходи, не стой, — Сора толкнула дверь.

Галлия переступила порог и замерла.

Внутри было... как в сказке.

Тысячи пучков трав висели под потолком, сухие и пахучие. Полки ломились от склянок, пузырьков, коробочек. В углу тихо побулькивал котёл на маленьком огне, и оттуда шёл такой аромат... Галлия глубоко вдохнула и вдруг поняла, что узнаёт этот запах.

Мята. Ромашка. Ещё что-то, знакомое с детства, когда мама заваривала травы от простуды.

— Травяной чай, — выдохнула она.

— А ты разбираешься, — Сора с интересом покосилась на неё. — Нюх у тебя хороший.

Галлия не ответила. Она медленно прошла вглубь лавки, разглядывая полки. На некоторых склянках были этикетки, написанные от руки. «От головы». «От живота». «От тоски». А рядом что-то совсем непонятное: «Летучий порошок», «Крепкие руки», «Для ясности мыслей».

— Это всё магия? — спросила она, оборачиваясь.

— А что же ещё? — Сора уже возилась у котла, помешивая длинной ложкой. — Ты в каком мире живёшь, девочка? Магия вокруг. В каждой травинке, в каждом камешке. Просто надо уметь взять.

Галлия промолчала. Мир, в который она попала, был пока для неё загадкой. Она знала только то, что помнила Галлия, а Галлия помнила мало. Дом мужа. Унижения. И эту книгу.

Она всё ещё сжимала её в руках, узелок то выпал еще у порога.

— Что у тебя? — Сора кивнула на книгу. — Покажи-ка.

Галлия протянула.

Сора взяла книгу, повертела в сухих пальцах, раскрыла наугад. На странице были мелкие, от руки сделанные рисунки трав и корявые записи.

— Материнское наследство, — сказала она не то спрашивая, не то утверждая. — Травница у тебя мать была?

— Была, — кивнула Галлия, вспоминая обрывки чужой памяти. — Она умерла, когда мне... когда Галлии было шестнадцать.

— Галлии? — Сора подняла бровь. — Ты о себе в третьем лице?

— Я... — Галлия осеклась. — Голова болит. Сама не своя.

— Это понятно, — Сора кивнула, но взгляд её оставался цепким. — Побили тебя знатно.

Шок. Потом отойдешь. Садись-ка, чай пить будем.

Чай был обжигающим, терпким, с медовым послевкусием. Галлия пила маленькими глотками, грея ладони о горячую кружку.

Сора сидела напротив, подперев щеку кулаком, и смотрела на неё.

— Рассказывай, — велела она. — Кто, за что, почему босиком и в рванине. Только не ври. Я вранье за версту чую.

Галлия вздохнула.

И рассказала.

Не всё, конечно. Не про то, что она вообще-то Галина Степановна из другого мира и ей семьдесят три года по паспорту. Но про мужа, про развод, про семейку, которая её вышвырнула, — рассказала.

Сора слушала молча. Только брови её поднимались всё выше и выше.

— Малик, значит, — сказала она, когда Галлия закончила. — Маг из рода Теневых? Молодой, красивый, пафосный?

— Да.

— Слыхала про такого, — Сора хмыкнула. — Мать его, Дайнара, ко мне как-то приходила. От морщин зелье просила. Я ей сделала, а она цену сбивала, скупердяйка старая. Так что ты, милая, не переживай. Карма — она такая штука, всё на круги своя вернёт.

Галлия слабо улыбнулась.

— Мне бы не карму, мне бы крышу над головой и работу.

— Будет тебе работа, — Сора встала, крикнув. — Пойдём, покажу хозяйство.

Обход начался с подвала.

Там, в прохладном полумраке, стояли рядами бутылки, банки, кадки. Всё подписано, всё разложено по годам.

— Настойки, — поясняла Сора. — Три года минимум выдерживать нужно. Эти от простуды, эти от упадка сил, эти для воинов, раны заживлять. Самые ценные и дорогие.

Галлия кивала, но краем глаза заметила, что на некоторых банках пыли больше, чем на других, а этикетки покосились.

— А это что? — спросила она, указав на дальнюю полку, где банки стояли вкривь и вкось.

Сора глянула и махнула рукой:

— А, это мелочёвка. Руки всё никак не дойдут. Старая я уже, тяжело мне по подвалам лазить. Спина, знаешь ли...

Галлия кивнула. Про спину она знала хорошо. В её прошлой жизни спина болела так, что иногда не разогнуться.

Она подошла к той полке и, не спрашивая, начала переставлять банки. Ровно. Аккуратно. Сортируя по размеру, по назначению, по сроку годности, который она предположительно определяла по мутности жидкости.

— Ты чего это? — удивилась Сора.

— Порядок навести, — Галлия не оборачивалась. — В беспорядке работа не спорится. Я... у меня рука набита. Бухгалтером работала. Там каждая бумажка на месте лежать должна.

— Бухгалтером? — Сора удивилась ещё больше. — Это что за профессия?

Галлия замерла.

Чёрт. Чёрт-чёрт-чёрт. Она забыла, где находится.

— Считала всё, — нашлась она. — Деньги, товары. Учёт вела.

— А-а, — протянула Сора. — Счетовод, значит. Тоже дело нужное. Ну давай, наводи порядок. Я погляжу.

К вечеру подвал сиял.

Галлия перебрала всё, что можно было перебрать. Отмыла банки, которые запылились. Переписала на листочек, чего не хватает, чего в избытке, что пора бы уже выбросить, потому что просрочено лет десять назад.

Сора сидела на ступеньках и смотрела на неё странным взглядом.

— Ты, милая, не просто счетовод, — сказала она наконец. — Ты маг, я погляжу.

— Какой там маг, — отмахнулась Галлия, вытирая пот со лба. — Я просто люблю, чтоб всё по полочкам.

— Не в полочках дело, — Сора покачала головой. — Ты банки брала в руки и не ошиблась ни разу. Не перепутала сон-траву с дурман-травой. Хотя они похожи, как сёстры. Ты нюхала?

— Нюхала, — призналась Галлия. — Просто пахнет по-разному. Сон-трава сладкая, а дурман горьковатый.

— Верно, — Сора кивнула. — Только чтоб это различать, надо лет пять учиться. Или дар иметь. Обычный человек и слабый маг не чувят разницу.

Галлия замерла.

— Какой дар?

— Зельевара, — просто сказала Сора. — Травника. Алхимика. По-разному зовут, суть одна. Чувствовать травы, слышать их, понимать. Это не каждому дано. Моя мать говорила: зельевар не тот, кто рецепты знает, а тот, кто с растением поговорить может.

Галлия медленно опустилась на пол.

— Я не... я просто нюхала...

— И нюх этот не простой, — Сора подошла и села рядом. — Ты, дочка, не бойся. Дар — это не проклятие. Это подарок. Просто ты раньше не знала, что он у тебя есть. Или не использовала. А сейчас, когда прижало, он и проснулся.

Галлия молчала.

Она вспомнила, как в детстве любила нюхать травы, когда ездила к бабушке в деревню. Как бабушка учила её собирать ромашку, зверобой, мяту. Как потом, уже взрослой, она всегда покупала травяные сборы, а не пакетированный чай, и муж бывший смеялся: «Ты как старуха, Галя».

Может, это и правда было в ней всегда?

Просто в том мире магии не было. А в этом — есть.

— Я не знаю, — тихо сказала она. — Я вообще ничего не знаю. Я... я не помню, как варить зелья. У меня только книга мамы осталась.

— А книга эта, между прочим, золотая, — заметила Сора. — Я глянула мельком. Там рецепты редкие, старые. Таких уже не найти. Мать у тебя, видать, сильная травница была.

— Наверное, — Галлия пожала плечами. Память Галлии о матери была тёплой, но смутной. Болезнь, долги, похороны. А потом отца не стало и замужество, чтобы не пропасть одной.

А как она была счастлива, что Малик обратил на нее внимание на городской площади... Ох, эта молодость, горячая кровь и слепые глаза!

— Ладно, — Сора хлопнула себя по коленям и встала. — Хватит на сегодня. Идём наверх, умоешься, а потом и ужинать. Завтра с утра начнём учиться.

— Учиться?

— А ты думала, я тебя просто так взяла? — Сора усмехнулась. — Будешь помощницей, а я покажу, что умею. А там видно будет. Жить будешь здесь, в лавке. Комната сверху есть, правда, маленькая. Но для начала сойдёт.

Галлия поднялась, чувствуя, как ноют натруженные мышцы. Молодое тело, конечно, хорошо, но после побоев и работы в подвале оно тоже устаёт.

— Спасибо, — сказала она. — Я не знаю, как вас благодарить.

— Работой, — отрезала Сора. — И не называй меня на «вы». Я Сора. Просто Сора. Идём, а то остынет всё.

Ужин был простым: тушёные овощи, хлеб и снова чай. Но для Галлии он казался пиром. Она ела и ела, не могла остановиться, и Сора смотрела на неё с одобрением.

— Ешь-ешь, — приговаривала она. — Молодому организму силы нужны. А ты, я погляжу, давно не ела.

Галлия кивнула, прожевывая кусок хлеба. В доме Малика она завтракать не стала, а вчера... вчера у Галлии, кажется, кусок в горло не лез от переживаний.

— Завтра с утра пойдём травы собирать, — сказала Сора. — Покажешь, что умеешь. А после обеда за рецепты. Согласна?

— Согласна.

Галлия допила чай и вдруг почувствовала, что глаза слипаются. Усталость навалилась сразу, как будто кто-то выключил рубильник.

— Иди спать, — велела Сора. — Комната наверху, лестница скрипучая, но ты не бойся, не провалишься.

Комната оказалась маленькой, с косым потолком и узким окошком. Кровать узкая, но с периной, пахнувшей сеном и лавандой. На стене висел коврик с вышитыми травами. На полу старенький половичок.

Галлия села на кровать и огляделась.

Её комната. Её первая собственная комната в этом мире.

Она разжала пальцы. Всё это время она так и держала книгу, не выпуская.

Галлия открыла её наугад.

"Зелье от усталости. Взять три части мелиссы, две части мяты, одну часть корня валерианы. Настаивать на родниковой воде три дня, принимать по ложке перед сном."

Она улыбнулась.

— Точно как бабушка учила, — прошептала она. — Только бабушка говорила: заваривай и пей, а не настаивай.

Она закрыла книгу, положила под подушку.

И тут её накрыло.

Слёзы хлынули сами, без спросу. Она плакала по той жизни, где остались дети, внуки, квартира, дача, соседка Зина, работа, привычное утро с горьким кофе и телевизором. Плакала по себе, Галине Степановне, которая так и не дописала завещание, не дождалась правнуков, не дочитала книгу на тумбочке.

— Я не хотела умирать, — шептала она в подушку, чтоб Сора не слышала. — Я не готова была. Я только на пенсию вышла, только жить собралась...

Она плакала долго. Пока не кончились слёзы. Пока не заснула тяжёлым, без снов, сном.

А внизу Сора сидела у котла и помешивала варево.

— Ну что, травница, — сказала она тихо, обращаясь к потолку. — Посмотрим, что за птица к нам залетела. Чужая она, не здешняя. Я таких, как она, не встречала. Но душа у неё светлая, руки работающие, глаза мудрые. Может, оно и к лучшему.

Котёл согласно булькнул.

— Молчишь? — Сора усмехнулась. — И то верно. Утро вечера мудренее.

Она затушила огонь, поднялась и, кряхтя, побрела к себе в каморку за лавкой.

В доме стало тихо.

Только травы под потолком тихо шелестели на сквозняке.

Глава 3

Галлия проснулась от птичьего гомона. Она лежала с открытыми глазами и смотрела в косой потолок, пытаясь понять, где находится.

Ах да. Лавка. Сора. Другой мир.

Она села на кровати и потянулась. Молодое тело отозвалось приятной ломотой, вчерашняя работа в подвале дала о себе знать, но это была хорошая, рабочая усталость, не то что вчерашний ужас с сумасшедшими тетками.

За окном уже вовсю светило солнце. Галлия глянула в маленькое мутное стекло и увидела сад, залитый светом, и старый дуб на пригорке.

— Жива, — сказала она себе. — И это главное.

Она натянула платье, другое и чистое, Сора дала ей переодеться. Платье было простым, домотканым, но удобным. Галлия заплела косу, глядя в маленькое зеркальце на стене, и удивилась: девушка в зеркале выглядела почти счастливой.

— Ну, с Богом, — сказала она привычно и вышла.

Внизу Сора уже хлопотала у котла.

— А, проснулась, соня! — приветствовала она Галлию. — Я уж думала, ты до обеда проспешь. Молодёжь нынче совсем не работающая.

— Который час? — Галлия оглянулась на солнечные лучи.

— Да уж солнце встало, петухи пропели, — Сора махнула ложкой. — Садись завтракать, потом работа.

Завтрак снова был простым и сытным: каша с мёдом, хлеб, травяной чай. Галлия ела и слушала, как Сора рассказывает о планах на день.

— Сегодня надо травы перебрать, что вчера принесла. Часть на сушку, часть в настойку. Потом клиенты придут, я буду зелья отпускать, а ты смотреть и запоминать. А после обеда начнём учиться.

— Учиться чему? — спросила Галлия.

— Зелья варить, конечно, — Сора усмехнулась. — Или ты думала, я тебя просто так кормить буду?

Переборка трав оказалась делом медитативным.

Сора высыпала на большой деревянный стол ворох зелени, свежей, только что с огорода. Мята, мелисса, ромашка, ещё какие-то растения, названий которых Галлия не знала.

— Разбирай, — велела Сора. — Чистое в одну кучу, подгнившее — в другую, сорняки вон в то ведро. Потом будешь вязать пучки и развешивать.

Галлия кивнула и принялась за работу.

Но едва она взяла в руки пучок мяты, как пальцы сами потянулись отделить подгнивший листок. Потом отложить веточку с мелкими жучками. Потом расправить смявшиеся стебли.

— Хм, — сказала Сора, покосившись на неё.

Галлия не обращала внимания. Она перебирала травы с какой-то почти механической ловкостью, словно делала это всю жизнь. Хотя вчера, в подвале, она тоже удивилась своей сноровке.

Прошло полчаса. Гора перебранной зелени росла.

— Ты не торопись, — сказала Сора. — Качество важнее скорости.

— Я не тороплюсь, — отозвалась Галлия. — Просто руки сами делают.

— Руки, говоришь? — Сора подошла ближе и взяла одну из готовых веточек. Осмотрела, понюхала. — Чисто. Ни одного гнилого листа, ни одной травинки чужой. Ты как это делаешь?

Галлия задумалась.

— Не знаю, — честно сказала она. — Просто вижу, что не так.

А сама подумала, наверное, память тела... Галлия же дочь травницы, может, она это умела?

Сора смотрела на неё странным взглядом.

— Ладно, работай.

К обеду все травы были перебраны. Галлия связала их в аккуратные пучки и развесила под потолком, рядом с другими. Сора только крикнула, увидев, как ровно и красиво всё сделано.

— У тебя, я погляжу, руки золотые, — сказала она. — И глаз-алмаз.

Галлия смутилась.

— Да что тут сложного? Травы как травы. У меня на даче... — она осеклась.

— На даче? — переспросила Сора.

— Ну... в деревне, — поправились Галлия. — У бабушки. Я в детстве помогала ей травы собирать. Она меня учила: мяту до цветения нужно собирать, ромашку, когда солнце встанет, у зверобоя годны только верхушки.

Сора слушала с непроницаемым лицом.

— Мудрая у тебя бабушка была, сильная травница, — сказала она наконец. — Не каждый травник такие тонкости знает.

— Она не травница была, — улыбнулась Галлия. — Просто бабушка. Из тех, что всё про травы знают, потому что испокон веку так делали.

— Это и есть травничество, — кивнула Сора. — Не в академиях дело, а в роду. Ладно, пошли покупателей обслуживать.

Их было немного. Пришла соседка за зельем от простуды, потом молодой стражник за мазью для заживления ран, потом тётка с капризным ребёнком, которому нужен был сироп от кашля.

Галлия стояла в сторонке и внимательно смотрела, как Сора отпускает товар. Как взвешивает на маленьких весах, как переливает из больших бутылей в маленькие, как отсчитывает монеты.

Странное дело, цены были в каких-то местных деньгах, но Галлия быстро запомнила, что почём. Бухгалтерская память работала безотказно.

— Запоминай, — сказала Сора между делом. — Потом сама будешь.

— Я запоминаю, — ответила Галлия. — У вас тут мята кончается, кстати. Осталось на два приёма.

Сора резко обернулась.

— Откуда знаешь?

— Посчитала, — Галлия пожала плечами. — Вон та банка была почти полная, когда мы травы вешали. Вы оттуда брали три раза. Если каждый раз по две ложки, то осталось ложек десять. А на один приём надо пять ложек, значит, на два приёма.

Сора смотрела на неё, открыв рот.

— Ты... считаешь?

— Ну да, — Галлия смутилась. — Я же говорила, я счетовод. У меня с цифрами легко.

— С цифрами, — медленно повторила Сора. — А с травами? Ты каждую веточку перебрала. Ты знаешь, где что лежит. Ты вчера в подвале на всех полках порядок навела, что я теперь сама не найду ничего, потому что всё слишком правильно.

— Это плохо? — встревожилась Галлия.

— Это... необычно, — Сора покачала головой. — Ладно, к вечеру сама увидишь.

После обеда Сора усадила Галлию за маленький столик в углу лавки.

— Будем учиться, — сказала она. — Свари-ка мне зелье от головной боли. Самое простое.

Галлия замерла.

— Я не умею.

— А ты попробуй, — Сора пододвинула к ней ступку, пестик, несколько баночек с травами. — Ингредиенты знаешь? Что кладут от головы?

Галлия задумалась. Память Галлии подкинула смутный образ: мать склоняется над котлом, что-то бормочет. А её собственная память подкидывает бабушкины рецепты. От головы хорошо помогают мята, ромашка, ещё что-то...

— Мята, — сказала она неуверенно. — Ромашка... И возможно... мелисса?

— Может быть, — усмехнулась Сора. — А сколько? Пропорции?

— Не знаю, — честно призналась Галлия.

— А ты почувствуй, — Сора пододвинула баночки ближе. — Возьми в руки, понюхай, послушай себя. Растения сами подскажут.

Галлия взяла щепотку мяты. Пахло знакомо, свежо, чуть резковато. Потом ромашку — тёплый, уютный запах. Потом мелиссу — лимонная нотка.

И тут она поняла. Пальцы сами отсыпали в ступку чуть-чуть мяты, побольше ромашки, совсем капельку мелиссы. Потом ещё что-то, какое-то растение, к которому потянулась рука сама, хотя Галлия не знала его названия.

— Пустырник, — кивнула Сора. — Хорошо.

Галлия начала толочь. Пестик ходил в руках легко, словно она делала это тысячу раз. Потом Сора плеснула в ступку немного воды, не простой, а из особого кувшина.

— Мешай, — велела она. — И слушай.

Галлия мешала. И слушала. И чувствовала, как травы отдают воде свою силу, как смешиваются, как становятся единым целым. Через несколько минут в ступке была мутноватая жидкость, пахнущая мятой и покоем.

— Готово, — сказала Галлия и отставила ступку.

Сора взяла ложку, зачерпнула чуть-чуть, попробовала.

Закрыла глаза. Помолчала.

Потом открыла и посмотрела на Галлию долгим взглядом.

— Девочка, — сказала она тихо. — Ты хоть понимаешь, что ты сделала?

— Зелье от головы, — неуверенно ответила Галлия. — Получилось?

— Получилось, — Сора кивнула. — Да не просто получилось. Это идеальное зелье. Я такое в последний раз лет тридцать назад видела, у старой травницы из Северных земель. Ты, не зная рецепта, не зная пропорций, сделала идеальное зелье.

Галлия молчала, не веря.

— Как? — спросила она.

— Дар, — просто сказала Сора. — У тебя дар Зельевара. Природный, не испорченный академиями. Ты не знаешь, как надо, ты чувствуешь, как правильно. Это редкость, девочка. Большая редкость.

— Но я же ничего не умею, — возразила Галлия. — Я просто... руки сами...

— Вот именно, — перебила Сора. — Руки сами. Потому что они знают. Потому что ты травница в душе. Может, в прошлой жизни, может, в этой, неважно. Дар, он или есть, или нет. У тебя он есть.

Галлия опустила глаза на свои руки. Обычные молодые руки, с чистыми ногтями и парой свежих царапин от сухих стеблей.

— И что мне теперь с этим делать? — спросила она.

— Учиться, — усмехнулась Сора. — Дар даром, а ремёсла никто не отменял. Будешь у меня учиться, пока я жива. А там, глядишь, и сама лавку потянешь.

Галлия подняла глаза.

— Лавку?

— Ну да, — Сора пожала плечами. — Мне уже много лет. Кому-то передавать дело надо. А ты словно подарок судьбы. Пришла под мой дуб, босая, побитая, а в руках такой дар. Не зря, значит, не зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.